
КАЛАМБУР В КОНТЕКСТЕ ИМПЛИЦИТНОСТИ

А.В. Глаголева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена проблемам дискредитации имиджа в высказываниях с имплицитно выраженной негативной стилистической окраской на примере публичных текстов печатных СМИ. В ходе исследования конкретных примеров автор приходит к выводу о том, что имплицитная форма негативной коннотации существенно дискредитирует имидж.

Ключевые слова: дискредитация, имидж, имплицитность, негативная коннотация, стилистическая окраска.

Имплицитность (франц. *implicite* — подразумеваемый, скрыто содержащийся, от лат. *implicitum*) постепенно становится доминантой всей нашей жизни и особенно ярко проявляется в публичной речи. Невыраженные, подразумеваемые, неразвернутые, контекстные коннотации порой оказываются важнее основного смысла выражения, на что и рассчитывает автор. Конечно, этому способствует общая картина речевой действительности сегодняшнего дня, в которой основными тенденциями являются многообразные языковые игры, метафоризация, различные варианты присутствия «чужого», неавторского слова, словом, все те приемы, которые, по мнению публичного оратора, делают его речь особенно выразительной и действенной.

Интересно, что подобная имплицитность прежде всего проявляется в негативно окрашенных текстах, что позволяет автору высказываться достаточно нелестно, оставаясь в то же время в рамках дозволенного. Однако именно такие случаи зачастую становятся нарушением лингвистической безопасности, так как «лингвистическая безопасность — это такое состояние текста (высказывания), при котором его потенциальная конфликтогенность стремится к нулю, и риск причинения вреда его автору, персонажу или реципиенту является минимальным» [1].

Негативные коннотации, выраженные имплицитно, дискредитируют имидж, т.е. причиняют вред, подчас весьма существенно. Процесс расширения поля имплицитных, дискредитирующих имидж коннотаций в публичных текстах наблюдается с начала 2000-х гг. Поэтому необходимо обратиться к публикациям тех лет, чтобы рассмотреть первые подобные случаи.

Так, статья «Ночь Тарковского» А. Минкина, журналиста МК, известного резкостью выражений, насыщена подобными выражениями, в которых содержится имплицитная негативная оценочность [1]. В целом, статья имеет следующее содержание: в то время как президент делает заявления о том, что необходимо разработать программу развития культуры и т.п., в программе передач гостелеканала РТР — сплошные низкокачественные сериалы и много рекламы, а фильм Тарковского, приуроченный к его 70-летию, реальное культурное событие, идет после

полуночи, т.е. тогда, когда его никто не увидит, тем более дети и подростки, которым как раз больше всего и нужно культурное воспитание.

Уже в подзаголовке «Государственная программа развития идиотизма в России» содержится откровенный намек на несостоятельность государственных программ, выраженный в столкновении двух понятий «государственная программа» и «идиотизм». Выражение «государственная программа развития чего-либо в России» стало уже устойчивым. Обычно это касается экономической, социальной или других сфер. В данном случае создается эффект обманутого ожидания: читатель ожидает увидеть в программе что-то серьезное и общественно полезное, а видит «идиотизм», что в русском языке означает то же, что идиотия (идиотия — мед. глубокая степень психического недоразвития; разг. глупость, бессмыслица). Очевидно, что употребление данного слова свойственно скорее разговорной речи, таким образом, дается достаточно резкая оценка действиям власти и телеканала.

Поскольку заголовок и подзаголовки рассматриваются в текстах СМИ как сгусток смысла всей публикации, прямое значение слова «ночь» (время суток), вынесенное в заголовок в контексте подзаголовка обретает имплицитный подтекст «нечто темное, лишённое света, а значит, забытое и даже опасное (темное время — время воров и насильников)».

Использование разговорных и просторечных, резко оценочных речевых элементов продолжается и в самом тексте, например: «...ибо, чем больше эту слякоть смотрят, тем больше становится дураков». Нейтральное слово «слякоть» вводится автором в отношения причинно-следственной связи с негативно оценочным бранным словом «дурак» (разг. глупый, тупой человек). Происходит резкая катализация переносного значения слова «слякоть» как просторечного слова означающего ничтожного, презренного или жалкого, слабого человека, а в данном случае смысл распространяется на содержание и героев программ на государственном телевидении.

«Еще немного и депутаты предложат „закон Лесина“, чтобы никакие передачи не имели права прерывать рекламу больше трех раз в час и каждый раз не дольше, чем на 10 минут» [1]. В данном случае прием ассоциации, отсылающий нас к аксиомности физических законов Ньютона, Эйнштейна и других великих ученых, ставит чиновника на одну ступень с ними, усиливая впечатление абсурда последующей гротесковой гиперболой (М. Лесин являлся в то время министром печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций РФ, значит, количество рекламы на ТВ входило в его сферу полномочий).

Безусловной негативной имплицитностью обладают скрытые сравнения с людьми, занимающимися незаконной и аморальной деятельностью: «Ни воров, ни проститутки, ни бандиты не ведут себя так в присутствии детей, как госТВ. Так ведут себя секс-маньяки, педофилы, презираемые даже ворами и бандитами» [1]. Синтаксический прием градации еще больше способствует нарастанию негативной оценки такой деятельности, сохраняя, в то же время, ее имплицитный характер.

Кульминацией материала становятся два каламбура «телепедофилы» и «политсантехники». В предложении «Похоже, наши телепедофилы уже и приоритеты

определили... то есть делают все, что им велели в Кремле» резко выраженная негативная оценка телевизионных деятелей имплицитно переходит на руководителей их деятельности из Кремля, причем само слово «телепедофилы» является, безусловно, инвективой, которая, не будучи направленной ни на кого конкретно, захватывает все кремлевское пространство целиком.

То же самое происходит и в следующей фразе: «Не хочется никого обижать, даже президентских политехников, написавших ему речь про то, как надо вылечить национальное сознание по телевизору. Но, ребята, ведь Кашпировский уже это сделал!» [1]. Слово «политехник» — окказионализм, построенный на каламбурной контаминации «политехнологии» и «сантехники». «Политехнолог» — специалист в области политических технологий, т.е. приемов и тактик, используемых политиками для достижения и удержания власти. «Сантехник» — срещение словосочетания «санитарный техник», т.е. специалист по санитарной технике; специалист по обслуживанию тепловой, водопроводной и канализационной техники в домах.

Значение слова «сантехник» имеет коннотацию «грязная работа», т.е. работа с неисправной канализацией, с фекалиями. В нашем случае данная коннотация переносится на политику, что совпадает с общепринятым мнением о политике как о грязном деле.

Также имплицитно дискредитируется сам образ президента: ему написали речь «грязные» политехники, которые сами решают, что он должен и что не должен говорить.

Кроме того, приводится сравнение с Кашпировским — неоднозначной фигурой, — общественный образ которого покрыт налетом одиозности. Кашпировский устраивал сеансы коллективного гипноза по телевидению. Эффективность этих сеансов спорна, однако многие верили в нее и, возможно, верят и сейчас.

Наконец, завершается статья откровенным общеизвестным эвфемизмом матерного слова: «Да и он [подросток с плеером] не может ее петь (музыку, которая играет в наушниках), потому что эту хрень не споешь» [1]. Так автор закольцовывает содержание имплицитной обобщающей характеристикой: музыка — та самая государственная программа идиотизма, она же «хрень», т.е. ... то, что заменяется данным эвфемизмом. И никак по-другому это не назовешь, подспудно утверждает автор.

Еще один распространенный способ имплицитной дискредитации — оценочные метафоры — также приобретают дискредитирующий характер только в процессе конкретного употребления, эксплуатирующего переносное значение, в результате которого возникает подтекстное сравнение.

Так, например, в «Московском комсомольце» опубликована статья И. Филатовой, А. Борисова и Л. Шарий под заголовком «Киселев страдает «Буридановой болезнью» [2]. Известно, что «буриданов осел» — парадокс абсолютного детерминизма в учении о воле: осел, помещенный на равном расстоянии от двух одинаковых связок сена, умрет с голоду, ибо не сможет избрать ту или иную связку. Образ приписывается Жану Буридану, французскому философу XIV в. В перенос-

ном значении — человек, колеблющийся в выборе между двумя равнозначными возможностями. Имплицитно оценочное сравнение Е. Киселева с ослом может быть обидным, так как слово «осел» в переносном значении употребляется для бранного названия глупого, тупого, упрямого человека. Кроме того, упомянутая выше оценочная метафора болезни выражена здесь словосочетанием «страдает ... болезнью», в котором использован прием умолчания и псевдооговорки, подразумевающий, что автор удержался от нецензурного или просто оскорбительного выражения, которые, безусловно, дискредитируют имидж, но выявление того, что только подразумевается, всегда требует особенных усилий, чтобы сохранить объективность.

Умолчание или псевдооговорка — также очень продуктивный прием для имплицитной дискредитации персонажа текста. В статье Е. Маестной, опубликованной в газете «Московский комсомолец» под заголовком «Вот такое мое кино» [3], говорится следующее: «...Да на его [пенсионера-инвалида] беду приглянулось оно [место, которое занимал гараж с инвалидной машиной] одной весьма привлекательной ... простите, особе — дочери известного телеведущего и кинодеятели Виктора Мережко Маше, открывшей по соседству элитный косметический салон...» Фраза «привлекательной... простите, особе» содержит умолчание в виде псевдооговорки. При этом подразумевается, что автор удержался от нецензурного или просто оскорбительного выражения. Пренебрежительность выражается и использованием неполного фамильярного имени Маша.

Отдельной проблемой в журналистике является передача чужой речи в силу того, что вся информация передается словами автора публикации. «Чужая речь, — отмечает М.М. Бахтин, — ... нигде четко не отграничена от авторской речи: границы намеренно зыбки и двусмысленны, часто проходят внутри одного синтаксического целого» [4].

При цитировании указывается источник цитаты (автор, произведение). Цитирование может быть прямым и косвенным. При прямом цитировании указывается автор и (или) произведение. При косвенном цитировании автор может прямо не указываться, цитата вводится в текст следующими словосочетаниями: «как говорил классик», «как хорошо сказано в таком-то произведении» и т.п. Не требуют обязательного выделения на письме и обязательной отсылки при устной речи цитаты, ставшие крылатыми словами, т.е. устойчивыми изречениями, вошедшими в язык из определенных литературных, публицистических, научных источников или созданными на их основе, вошедшими в речь из средств массовой информации, а также высказываниями реальных исторических лиц, которые получили широкое распространение и общеизвестность (например: Хотели как лучше, а получилось как всегда...).

Дословное цитирование всегда затруднено при переводе и использовании иноязычного текста, при передаче прямой речи в косвенной форме, при письменном воспроизведении чужой устной речи, особенно в случае замены опущенных слов многоточием.

Возможно ли дословное воспроизведение чужой речи при использовании героем обцененной лексики? Если невозможно или возможно только частично, то

каким образом должны передаваться обценные выражения — с отточием, или словесным описанием или как-то по-другому? Передача обценного выражения, тем более не оправданного ситуацией, служит хорошей характеристикой персонажа, яркость которой теряется при описании типа «он употребил нецензурное выражение».

Так, в интервью О. Рашидова «Писатель-патриот Александр Проханов: Хочу бросить в котел борьбы с режимом и скинхедов, и лимоновцев», опубликованном в газете «Комсомольская правда», дословно, но с отточием на обценной лексике цитируется А. Макашов, присутствовавший при интервью [5].

«Тут подал голос Макашов: — Если нам „Комсомолка“ надоест, мы ее отп...им, — неизвестно к чему вдруг выдал он, с выражением поправляя пиджак».

Подобная детабуизация обценной лексики, а именно приведение подобных слов с отточием, считается некоторым эвфемистическим смягчением. В данном случае это цитата прямой речи, хорошо характеризующая и дискредитирующая автора слов, тем более что отмечена немотивированность этой фразы: «неизвестно, к чему вдруг выдал».

«...это не миф, а мифчик-лифчик, чушь собачья, — отрезал Проханов» [5].

Просторечное выражение в речи интервьюируемого «чушь собачья» приводится в виде цитаты, поэтому использование его вполне оправданно.

«...это [сравнение политика с дельфином] лучше, чем с ободранным псом, у которого блоха в паху» [5].

Детабуизация темы «телесного низа» реализуется в виде выражения из книги интервьюируемого.

«...в финале создается ощущение полной безнадеги... Куда дальше пойти, кому, извините, морду набить» (слова журналиста, [5]).

Пример демонстрирует использование разговорного слова «безнадега» — безнадежное, безвыходное положение или состояние — и грубопросторечного устойчивого выражения «(на)бить морду кому-либо», в котором слово «морда» является грубым, просторечным. В рамках единого высказывания такой комплект создает те самые контекстные коннотации, которые имплицитно дискредитируют образ интервьюируемого лица за счет возможности обращения к которому с использованием подобных слов и выражений.

«Этот вшивый, мерзкий, страшный [политический] курс неминуемо приведет к краху страны» (слова Проханова, [5]).

В данном примере используется целый ряд грубых и просторечных слов в качестве градационных синонимов: «вшивый» — имеющий много вшей, покрытый вшами, — используется как грубопросторечное бранное слово; «мерзкий» — вызывающий отвращение, гадкий; «страшный» — вызывающий, внушающий чувство страха; вызывающий чувство страха своей опасностью; вызывающий тяжелое чувство, производящий тягостное впечатление. Фраза является резко оценочной и экспрессивной, особенно в сочетании со словом высокого стиля «крах».

Таким образом, собранные и продемонстрированные в статье примеры указывают на то, что в современной публичной речи имплицитные формы речевой дискредитации образа используются гораздо чаще, чем прямые вербальные «нападения», и наносят не менее значимый вред. Поэтому такие случаи, а именно каламбуры в форме псевдооговорок и умолчаний, цитации, оценочных метафор и скрытых сравнений, безусловно должны рассматриваться как случаи серьезного нарушения лингвистической безопасности и дискредитации имиджа.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Трофимова Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». — 2012. — № 1. — С. 29.
- [2] Московский комсомолец, 12.04.2002. — С. 8.
- [3] Московский комсомолец, 18.02.2002. — С. 2.
- [4] Московский комсомолец, 18.02.2002. — С. 6.
- [5] Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Художественная литература. — С. 112.
- [6] Комсомольская правда, 24.04.2002. — С. 5.

LITERATURA

- [1] Trofimova G.N. Lingvisticheskaya bezopasnost: k probleme tolkovaniya // Vestnik RUDN. Seria "Russkiy y inostranniy yazyki y metodika ih prepodavaniya". — 2012. — № 1. — S. 29.
- [2] Moskovskiy komsomoletc, 12.04.2002. — S. 8.
- [3] Moskovskiy komsomoletc, 18.04.2002. — S. 2.
- [4] Moskovskiy komsomoletc, 18.04.2002. — S. 6.
- [5] Bahthin M.M. Voprosyliteratury y estetiki. Issledovaniya raznyh let. — M.: Hud. lit-ra. — S. 112.
- [6] Komsomolskaya Pravda, 24.04.2002. — S. 5.

PUN IN CONTEXT OF IMPLICITNESS

A.V. Glagoleva

Chair of mass communications

Peoples' friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Article is devoted to problems of discredit of image in statements with implicit negative stylistic coloring on the example of public texts of print media. During research of concrete examples the author comes to a conclusion that the implicit form of negative connotations significantly discredits image.

Key words: discredit, image, implicitness, negative connotation, stylistic coloring.